

Тридцать лет в истории венгерской критики религии

ЙОЖЕФ ЛУКАЧ

Как во всей жизни Венгрии, так и в области мировоззрения решающий поворот произошел в результате освобождения, в результате народно-демократической революции и строительства социализма на протяжении трех десятилетий. Индустриализация и быстрая урбанизация, но в первую очередь ликвидация эксплуатации, создание социалистических производственных отношений, успешное функционирование социалистического планового хозяйства, динамичное развитие жизненных условий и культурного уровня рабочих и крестьянских масс, преобразования в дифференциации интеллигенции — все это в большой степени ускорило секуляризацию, усиливало потерю власти религии над умами масс и снижало сплачивающую силу ее. Рост общественного престижа науки, затем тенденции превращения ее в производительную силу, а также расширение политической деятельности до массовых масштабов создали благоприятную почву для преобразования структуры общественного сознания. Под влиянием быстрых исторических сдвигов устои религиозного консерватизма пошатнулись, а интегрирующая роль религии в общественной жизни практически исчезла. Стало возможным широкое распространение марксизма-ленинизма.

Процесс мировоззренческого развития был, однако, противоречивым. Речь идет не только о том, что целый ряд моментов общественных отношений (наличие классов, существующий уровень отношений между физическим и умственным трудом и т.п.) даже в наши дни не во всех отношениях исключают дальнейшее существование отдельных элементов религиозного сознания. Мы сейчас должны говорить прежде всего о субъективной стороне вопроса. О том, с одной стороны, что большие социальные изменения не непосредственно, а, главное, не автоматически влекут за собой отрыв от традиционных и нетрадиционных форм религиозности, о том, что классовая борьба наложила свой отпечаток и на самое религиозное сознание, что секуляризация взятая сама по себе означает лишь возможность прогрессивного преобразования мировоззрения, а не действительность. С другой стороны, речь идет и о том, что само развитие марксистско-ленинского атеизма

является функцией диалектического и историко-материалистического анализа общественных отношений, суждений о перспективах и функциях религии, развития борьбы за новые, социалистические идеологические регуляторы социалистических общественных отношений.

Крупное землевладение и крупный капитал — столпы того общественного строя, на которые опирались церкви прошлых столетий — с освобождением страны и на первом этапе народно-демократической революции потерпели удар решающего значения. Однако общественные устремления и политическое оружие церкви изменилось только несколько лет спустя. Несмотря на то, что освободительная Советская Армия и национальные комитеты с первой же минуты гарантировали непрерывность религиозной жизни, осуществляли на практике демократические принципы свободы совести, руководящие круги церкви — в антисоветском и антикоммунистическом духе — восстали в защиту своего прежнего властного положения.

В процессе этого развития Коммунистическая партия и сгруппировавшиеся вокруг нее прогрессивные силы своей борьбой добились провозглашения республики, отделения церкви от государства, создания нового однопалатного типа Государственного собрания. Эти реформы — подчеркиваем — реформы *буржуазно-демократического* характера, в Венгрии могли быть осуществлены лишь только под руководством рабочего класса, но именно поэтому они вызывали усиленное сопротивление в тех кругах руководителей церкви, которые, ссылаясь на историческое постоянство, преемственность, цеплялись за некогда принадлежавший им феодальный экономический и правовой статус, статус в области просвещения, выступая тем самым не только против сил, борющихся за ликвидацию социальной отсталости, но и против положительной оценки самого факта освобождения. Эта борьба была решена в ходе политической классовой борьбы и закончилась она историческим поражением ретроградных сил, быстрым преобразованием страны в социалистическом направлении. В этом отношении решающе важными союзниками левых партий были религиозные трудящиеся и церковные руководители, еще раньше понявшие фатальность того, что церкви переплелись с реакционным режимом Хорти, и выступившие на стороне социального обновления вопреки позиции руководителей своей церкви.

Следовательно, между церковью и государственной властью сложились условия для соглашения 1948—50 гг., условия для нормализации отношений, что полностью соответствовало желаниям и требованиям религиозных трудящихся. Но так как падение Миндсенти, Ласло Раваса и Лайоша Ордаша не повлекло за собой непосредственно полного разложения норм и идей, пользовавшихся религиозным освящением, борьба продолжалась и дальше против идеологических устоев реакционного клерикализма. Венгерские марксисты шли впереди в глубоком анализе роли христианства в средние века и в раннем новом времени, а также в оценке его прогрессивных тенденций (Йожеф Реваи, Эрик Молнар), в то же время они остро и критично осветили и отрицательную роль, которую сыграла, главным образом, католическая церковь в

ходе нашей борьбы за независимость и в ходе революций (Аладар Мод, Эржебет Андич). Одновременно с этим началось оживление отечественных антиклерикальных традиций и традиций по критике религии, не в последнюю очередь путем анализа тенденций, имевших проявление в венгерской художественной литературе (Пал Панди, Шандор Кюцкаш, Иштван Кирай), но также и новым рассмотрением традиций, носящих философский характер (работа Ласло Матраио Мартиновиче и Бешшенеи занимается венгерскими философами просвещения, работа Имре Тренчени-Вальдапфеля посвящена гуманизму и работа Дьердя Тордаи — исследованиям Хорарику).

Сложились условия для распространения научного мировоззрения марксизма-ленинизма, в ходе которого, наряду с быстрым развитием партийного и государственного просвещения, важную роль сыграло Общество по распространению научных знаний. В книгоиздании, наряду с постепенной публикацией соответствующих трудов классиков марксизма-ленинизма, немаловажную роль сыграло издание в переводе на венгерский язык некоторых советских публицистических произведений и произведений в области распространения знаний. Из венгерской марксистской философской литературы значительную роль в борьбе за монизм марксизма, в дискуссии с религиозным мировоззрением сыграла работа Ласло Рудаши «Материалистическое мировоззрение» и работа Дьердя Лукача «Детронизация разума», которая тем, что дала анализ перехода современного идеализма в иррационализм, содействовала лучшему пониманию взаимосвязи между современной идеалистической философией и религиозностью. В этом отношении следует упомянуть и о тех естественно-научных произведениях, которые познакомили с наиболее значительными работами в области космогонии, биогенеза и антропогенеза, психогенеза, оспаривая заодно и религиозные мифы о мироздании. Началось издание работ домарксовых представителей критики религии и атеизма. Нельзя недооценить инициативу венгерских представителей критики религии, которая в то время стояла еще, пожалуй, лишь на уровне популяризации.

В венгерской духовной жизни в начале пятидесятых годов, как это видно из вышесказанного, значительные усилия развивались в интересах того, чтобы в ходе социалистических преобразований восполнить упущения столетий. Было бы неправильно ошибки и недостатки этой эпохи, что касается нашей темы, просто отнести за счет культа личности и забывать о том, что именно этот период в значительной степени изменил отношение самых зрелых слоев рабочих и интеллигенции к религии, что в это время открылся путь к широкому распространению мировоззрения марксизма.

Недостатки этого периода большей частью вытекали из той исторической ситуации, в которой одновременно приходилось решать задачи буржуазно-демократической и социалистической революции, причем в условиях наличия лишь весьма незначительного отечественного опыта, в условиях холодной войны, более того, в тени непосредственной угрозы мировой войны. При суждении об односторонности пропаганды надо

принять во внимание, что острый антикоммунизм Пия ХП-ого открыл огонь по марксизму в первую очередь в направлении *основных мировоззренческих вопросов* (миросоздания, божественного происхождения жизни и человека, «несовместимости» диалектики и материализма), и здесь в первую очередь он открыл огонь по марксизму «естественно-научными» доводами, и, отрицая гуманизм марксизма, старался показать его в свете лютого врага человечества. Понятно, что на эти доводы и сам марксизм реагировал материалистическим толкованием достижений естественных наук и разоблачением международной реакционной роли христианской церкви.

Картина была бы все же неполной, если бы мы не осознали превратностей наших достижений, то обстоятельство, что именно в результате анализированного положения в *самой марксистской пропаганде* также могло иметь место косвенное влияние буржуазного атеизма, что в период холодной войны порою тускнела та правильная и необходимая дифференциация *идейной* борьбы против *политической* деятельности церквей и религиозного верования, которая в 1945—48 гг. доминировала, и, таким образом, в пропаганде часто смешивались воедино понятия клерикальной реакции и религиозности, необоснованно оскорбляя тем самым прогрессивно настроенных, более того, приверженных социализму религиозных людей.

Этот период совпал с распространившимся сектантским *догматизмом* и политическим схематизмом, которые тормозили разработку марксистско-ленинской специфики критики религии и зачастую квалифицировали религию как всего лишь пережиток капитализма, осужденных на недолговечность, победить который является лишь делом пропаганды. А ведь насколько правильно было опираться на аргументы буржуазного просвещения, настолько же было ошибочным забывать о том, что «ауфклеризм» оставлял без внимания как раз то, что было самым важным: углубленный анализ *социальных* основ религиозного отчуждения, ответ на вопрос: какие человеческие отношения и запросы находят проявление в религиозном облике. Особенно проблематичной стала сциентистская окраска критики религии, когда стало очевидным, что буржуазная наука в философском отношении в целом ряде пунктов идет навстречу согласованию с религией, и что в этой области как раз социальные причины представляют собой истинную проблему религиозной и материалистической *интерпретации* отдельных естественно-научных достижений.

Эти ошибки, конечно, вызвали свою реакцию. Догматическая абстрактность критики религии в сочетании со следами политического прагматизма не только снижали ее эффективность, но и усиливали мировоззренческое безразличие, более того, настроения идеологического и политического *соглашательства*; переоценку положительных политических тенденций, находивших проявление внутри религиозных сфер, и недооценку реакции, усиливали непосредственное отождествление любой прогрессивной политической точки зрения с мировоззренчески также прогрессивным, более того, порою отождествление их с марксиз-

мом. Ленинскую мысль о том, что идейную борьбу против религии нужно увязывать с практической политической классовой борьбой, и первая должна быть подчинена второй, некоторые толковали как отсутствие необходимости мировоззренческой дискуссии с религией, как такую «борьбу за просвещение», которая может лишь затормозить наш союз с верующими, а не наоборот.

Такого рода идеологический оппортунизм в такой же мере обезоружил венгерских марксистов в период контрреволюции 1956-ого года против открыто выступившего клерикализма и по отношению лжерелигиозных явлений с политической окраской, в какой мере сектантские ошибки создали предпосылки дезорганизации — к счастью временной — фронта марксизма. Не случайно, что развертывание марксистской критики религии, согласованно с общими целями социалистического развития, стало возможным лишь в период последовательного выступления против догматизма и оппортунизма, в ходе консолидации, наступившей после 1957-ого года.

Собственно говоря, консолидация уже сама по себе означала поражение сильно скомпрометировавшего себя политического клерикализма и обусловило сплочение неверующих и верующих в интересах прогрессивных целей. Однако было бы ошибочным толковать партийные решения 1958-ого года об идейной борьбе против религиозного мировоззрения и 1960-ого года, сформулировавшие основные принципы социалистической политики по отношению к церкви лишь как исправление старых ошибок. Эти решения подчеркивали важность того, чтобы трудящиеся в процессе осуществления главных общественных целеустремлений не разделялись, исходя из своего мировоззрения, и в соответствии с основной политикой партии особо акцентировалось значение *сотрудничества* марксистов и верующих. Вместе с тем эти решения предупреждали о необходимости *мировоззренческой борьбы* против религии, о важности распространения диалектического и историко-материалистического мировоззрения марксизма, о необходимости принципиально ясной и недвусмысленной, многосторонней, дифференцированной, терпеливой и убедительной критики религии.

Однако, наиболее важной чертой новых решений было, возможно, именно то, что они — по-ленински — стимулировали к конкретному анализу конкретного положения. Для этого положения в свою очередь было характерно осознание того, что политический клерикализм как реакционная тенденция не исчез с поворотом 1948—50 гг. Еще более важным является осознание того, что религия как исторически пройденный этап не становится фактом в результате обобществления средств производства, заложения основ социализма, более того, что это по всей вероятности явится *результатом*, а не предпосылкой процесса перехода к коммунизму. С другой стороны, стало все более очевидным, что с окончанием периода холодной войны открываются новые возможности для улучшения отношений между государством и церковью в области политического сотрудничества людей с различным мировоззрением, и что новое положение, — прежде всего воздействие сил социализма

на весь ход международного развития, — находит отражение и в лагере еще верующих людей, создавая там новые и новые поляризации.

Эти решения привели к значительному подъему деятельности в области критики религии и теории религии как в смысле исследований, так и пропаганды не только количественно, но и с точки зрения содержания.

Мы не имеем возможности в данном случае остановиться на вопросах развития *народного образования, подготовки преподавательских кадров*, не можем более детально говорить об уровне пропаганды, протекающей в рамках *партийного просвещения*, главным образом в вечерних университетах марксизма-ленинизма, о всерастущей притягательной силе отделений критики религии (упомянув, что как во всей системе государственного, так и партийного просвещения все еще остается многое сделать в области воспитания мировоззрения и на этой базе в области осознания атеистического аспекта марксизма). Мы не можем подробнее говорить о множестве форм распространения научных знаний, в особенности в рамках распространения философских знаний, о значительной работе, проводимой в свободных университетах и рабочих академиях (заметив, что далеко неудовлетворительно осознание мировоззренческих выводов отдельных естественнонаучных и социологических познаний).

Мы лишь вскользь коснемся быстрого развития книгоиздательской деятельности: многие значительные произведения античной и буржуазной критики религии недавно вышли в свет. Наблюдается подъем и в издании работ зарубежных, ныне живущих марксистских авторов, я здесь упомяну лишь таких, как Ленцман, Токарев, Спиркин, Кривелев, Левада, Ярошевский, Клаус, Канапа, Касанова, Лантернари, Донини, Томсон. Венгерское книгоиздание за короткий срок сделало больше в этой области, чем было сделано за предыдущие полтора столетия вместе взятых. Результаты отечественной научно-исследовательской работы сказываются медленнее, исходя из самой природы этого дела. Надо сказать, что формирование организационных рамок ее также не лишено трудностей. Во всяком случае можно констатировать, что в области истории религии значительные традиции Венгрии имеют выдающихся продолжателей. В греческом и римском отношениях имена Имре Тренчени-Вальдапфеля, Иштвана Хана, Роберта Фалуш, в отношении «азиатских» обществ — Аладара Добровича, Лайоша Лигети, Ференца Текеи, Яноша Харматта, Гезы Комороци знаменуют это достойное представительство. В то же время бросается в глаза, что являющиеся с отечественной точки зрения чрезвычайно важными исследования Ветхого завета, а также изучения генезиса христианства имеют место лишь в связи с другими проблемами и, надо сказать, мало что сделано в области истории религии средних веков, нового века и новейшей истории религии. С точки зрения последнего важными и многообещающими являются работы Иштвана Коня, занимающегося социальной доктриной кальвинизма, Йозефа Пора, посвященные направлениям современного протестантизма, исследования Густава Гече,

посвященные кругу вопросов томизма и неотомизма, и работы по анализу «открытых» направлений современного христианства. Значительным обещает быть коллективный труд по изучению процесса теологических и религиозно-философских изменений после освобождения в нашей стране.

Значительный подъем наблюдается особенно за последние годы в области исследований вопросов всеобщей теории религии.

Большая работа Дьердя Лукача «Специфика эстетического» не ставила себе непосредственной целью изложение марксистского понимания религии, но анализы, направленные на выяснение повседневного мышления, отношения религии и науки, дали несомненный взлет тому, чтобы в рамках обыденного сознания религию воспринимали бы не как лишь теоретическую форму сознания, а как отражение эмпиристской и антиропоморфной тенденции повседневного мышления и вместе с тем как нечто уже превзойденное. Освещение тенденции разветвляющейся дезантропоморфизации как в сфере науки, так и искусства повлекло за собой последствия, в результате которых стало возможным более глубокое толкование секуляризации нового времени, конфронтация различных форм сознания с религией. Книга Яноша Йори дала новые точки зрения не только к генезису религии, но при анализе религии как фантастического осуществления человеческой сущности, дает новую, более разностороннюю модель категории сверхъестественного, модель, которая может быть выведена на основании социальной действительности.

Достоинны внимания работы Золтана Шомоди, занимающегося рассмотрением мистицизма, а внутри его — зен-буддизмом, Иштвана Пайша, посвященная анализу проблем определения религии, а также сопоставлению домарксовой теории религии и критики религии с марксистской. Я лично пожелал заняться марксистской разработкой типологических методов исследования религий, в особенности христианства, как бы на перепутьи логического и исторического изучения. Можно сказать, что эти марксистские работы по вопросам теории религии и религиозной философии косвенно внесли свой вклад в выяснение целого ряда общих вопросов марксистского взгляда на общество.

Наблюдаются и в международном отношении пионерские начинания в области марксистского, носящего психологический характер — теоретического и эмпирического — изучения религиозного сознания. Здесь особого внимания заслуживают работы Ласло Матраи и Михая Мурани в отношении атеизма и чувственной жизни, генезиса религии, психологического анализа детского и старческого возрастов, а также корреляции между отчуждением сферы решения и религией, далее в исследовании мировоззренческих элементов, играющих роль в мотивации решений.

Приходится сожалеть в то же время об отсталости положения с исследованиями в области социологии религии. Наряду со значительной работой Ласло Кардоша по анализу роли сект села Баконьчерне мы можем говорить, пожалуй, скорее всего только о социографических исследо-

ваниях, в то время как общеизвестно, что без знания и анализа религиозности на этом обыденном уровне критическая работа по необходимости остается односторонней и ей угрожает опасность теоретического эзотеризма.

Говоря о развитии исследовательской деятельности и пропаганды нельзя не упомянуть о пути, пройденном нашим материалистическим мировоззрением журналом «Вилагошшаг», с момента его основания — 1960-ого года. В задачу журнала не входила непосредственная пропаганда по критике религии среди верующих. В его задачу входило оказание идейной помощи тем, кто эту деятельность проводит на разных уровнях культурной жизни, — в рамках массовых коммуникационных средств, партийного и государственного просвещения, распространения научных знаний. В то же время — за отсутствием соответствующего научного органа — журналу приходилось отводить место и оригинальным публикациям. Так как религия — всеобъемлющее мировоззрение, необходимо было, чтобы и «Вилагошшаг» проводил свою работу всеохватывающими средствами в смысле многообразия жанров, средствами, связанными с философскими, социологическими, естественнонаучными проблемами, проблемами общественных наук, искусства и литературы, проблемами, связанными с политикой.

Тираж журнала по сравнению с первоначальным тиражом за пятнадцать лет повысился больше, чем вдвое, и не будет преувеличением, если мы скажем, что журнал, благодаря своему уровню и последовательности, добился авторитета. Все более расширяющийся круг авторов и редакторы журнала гордятся тем, что работа их не оказалась изолированной от общего потока развития богатыми событиями периода, и тем, что удалось демонстрировать правильность партийных решений 1958—60 гг., правильность генеральной линии последовавших за этим партийных съездов: без стремлений к идеологическим компромиссам, дифференцированию и в духе марксистско-ленинского историзма критически анализируя религию и религиозность, ясно проводить атеистический аспект диалектического и исторического материализма и в то же время доказывать, что такое поведение не только не исключает, а наоборот, может продвинуть вперед международную и отечественную идейную полемику на почве практического-политического сотрудничества.

При всем этом развитие не было, не могло быть равномерным, и в наши дни с усиленным акцентом встают перед нами некоторые важные и до сих пор еще не решенные, или неудовлетворительно решенные задачи. Например, и в дальнейшем нашего внимания не может обойти партикулярный момент религиозности и национализм, а также критическое изучение взаимосвязей между религиозным универсализмом и космополитизмом, — не забывая в этом отношении об отличающихся традициях различных церквей (католической, протестантской, иудейской) и об изменениях, происшедших после освобождения. Отчасти из-за недостатков отечественных научных исследований не всегда удовлетворительны количество и уровень публикуемых этических и «ант-

ропологических» работ, в то время как общеизвестно, что как раз вдоль этой линии фронтов протекают на практике самые ожесточенные дискуссии; возьмем хотя бы буржуазные и мелкобуржуазные нормы, закреплённые религиозностью, или, если подумать о религиозном подходе к цели и смыслу человеческой жизни, об отношении жизни и смерти.

Больше, чем до сих пор, следует уделить внимания лучшему освещению отношения: социалистическое строительство и религия, а с этой целью и лучшему освещению «повседневного» уровня религиозности — философскими, социологическими и социал-психологическими средствами в разной степени. В связи с этим особенно важным было бы рассмотрение нынешнего классового содержания религиозности. С одной стороны, анализ явно феодальных и буржуазных, с другой стороны, мелкобуржуазных черт, которые ныне находят энергичное проявление в религиозном облике — эклектический подход и иллюзорное растворение противоречий между личностью и коллективом, трудом и собственностью, потреблением и производством. Во всей нашей, относящейся сюда исследовательской и пропагандистской работе, следовало бы больше акцентировать необходимость заниматься проблемами женщин, неравномерным процессом их эмансипации, акцентировать необходимость анализа того, как формируется отношение семейной жизни и религиозности, точно так же, как и исследование тех особых причин, которые в других прослойках нашего общества, например, среди интеллигенции определенных профессий, еще делают возможным влияние религии. Углубление надо заниматься явлениями секуляризации, причинами «отсутствия идеологии», а также современными мифами, заменителями религии и утопиями, которые имеют воздействие в прослойках, в основе своей уже оторвавшихся от традиционной религиозности.

Все это однако делает необходимым разрешение и той задачи, которая по сути дела является основным условием успеха всей нашей работы: в интересах обеспечения эффективности критики религии нужно давать содержательный и убедительный ответ на возникающие существенные мировоззренческие вопросы, касаясь любого уровня жизни, на вопросы, касающиеся природы и общества, моральных и эстетических проблем. На основе мировоззрения марксизма-ленинизма современную всеобъемлющую и в то же время открытую картину мира, последовательно обогащающуюся новым опытом общественного познания, мы сможем дать, если эту научную картину мира и научное мировоззрение мы в состоянии будем показать как продукт, как действующую силу общественного развития, если мы более сознательно будем стремиться к тому, чтобы давать не только информацию, не только распространять знания, а чтобы помочь этим людям мыслить, осознавать проблемы, помочь в разрешении этих проблем в марксистском духе.

Эта позитивная материалистическая точка зрения является основой для дифференцированного критического анализа современных теологических и религиозно-философских направлений. Если религии в конечном счете и возлагают надежды на сверхъестественную силу в раз-

решении проблем (и в этом отношении необходима обоснованная и высокого уровня критика всех религиозных направлений), то не безразлично, какое из направлений мирских процессов различные духовные течения сочтут полезным; найдут ли они импульс в своих собственных традициях для преодоления социального неравенства и несправедливости, для искоренения причин, вызывающих войны, или нет.

Тридцать лет, — глядя на них глазами истории, — небольшой срок. Но если мы посмотрим на результаты, осуществлением которых в наши дни венгерский народ заложил основы к дальнейшему, все более убыстряющемуся развитию, мы должны сказать: эти три десятилетия принесли изменения такого масштаба в общественной жизни и духовном облике страны, подобных которым не было и за столетия.

Будущее не будет — не может быть — лишено дискуссий: хотя бы даже потому, что люди с различными взглядами ставят перед собой — исходя из различных мотивов — общие цели, а это предполагает и конфронтацию идей. Но марксисты ждут того, и только этого могут они ждать от этих идейных дискуссий, что они будут содействовать, а не препятствовать расширению действительного сотрудничества между верующими и неверующими в интересах созидания развитой, богатой и культурной социалистической Венгрии, сотрудничества в ходе такого процесса, который будет содействовать развитию идейного облика людей в диалектическом и материалистическом направлении, будет содействовать уничтожению еще существующих мировоззренческих различий.